

Цао Вэньмэй не спала всю ночь. Её дом, и без того заваленный всяким хламом, теперь выглядел так, будто в нём побывали грабители — она перевернула всё вверх дном. Посреди ночи она несколько раз пыталась дозвониться по одному номеру, но абонент был постоянно вне сети. Доведенная до иступления, она в сердцах швыряла мобильный, но тут же бросалась на пол, чтобы подобрать его. Когда рассвело, она сидела посреди груды железного лома и старых вещей, тупо уставившись в окно.

Жители улицы Синвэнь просыпались рано: не было и семи, а в переулках уже раздавались крики. Цао Вэньмэй словно очнулась от транса. Она вскочила и начала лихорадочно собирать вещи, выудила из шкафа сильно потертую дорожную сумку и беспорядочно запихала в неё одежду, домовую книгу и другие предметы первой необходимости. Выбежав из дома, она едва не сбила с ног старика, вышедшего на утреннюю разминку.

— О, Вэньмэй! Куда это ты так спозаранку несешься?

Цао Вэньмэй не ответила. Низко опустив голову, она лавировала между облезлыми бетонными многоэтажками. Маджонг-залы и парикмахерские еще были закрыты; изредка из боковых дверей парикмахерских выскальзывали заспанные мужчины, но для них ненакрашенная Цао Вэньмэй в этот момент была не более интересна, чем старая корова.

Она радовалась, что вышла рано: сейчас на улице были только пенсионеры с авоськами. Вдруг впереди раздался мужской голос, и она вся мгновенно окаменела.

— Цао Вэньмэй. — Чэнь Чжэн вышел из-за угла. — Куда это вы собрались в такую рань?

Глаза женщины испуганно забежали. Видя, что полицейский идет к ней, она резко опустила голову, вцепилась обеими руками в сумку и инстинктивно попятилась.

— Я... я вышла... купить... купить кое-что.

Чэнь Чжэн уже стоял перед ней:

— Вот как? Чтобы что-то купить, нужно брать с собой такие огромные баулы?

На выходе из квартала людей было больше, чем в переулках, и прохожие начали с любопытством поглядывать в их сторону. Цао Вэньмэй продолжала пятиться, готовая в любую секунду сорваться на бег.

— Я за завтраком... вещи это... для другого человека, — она начала путаться в словах.

— Для кого? — не отступал Чэнь Чжэн.

— Я... — лоб женщины покрылся испариной. — Для дочери! Вы же сами сказали, она пропала? Я иду её искать!

— Вы собирались сбежать, не так ли? — отрезал Чэнь Чжэн.

Услышав это, Цао Вэньмэй судорожно вдохнула, её грудь высоко вздымалась. Раз секрет раскрыт, оправдываться было не за чем — в голове билась единственная мысль: «Бежать».

Однако женщина за сорок не имела ни единого шанса скрыться от Чэнь Чжэна. Едва она дернулась, как он уже перекрыл ей путь.

Она ошеломленно уставилась на него, в глазах читались ужас и неверие. Через мгновение из

её опухших глаз брызнули слезы. Она медленно опустилась на корточки, яростно вцепившись в свои волосы:

— Моя дочь пропала! Неужели я не имею права пойти её искать?!

— Школа и полиция уже ищут Лю Вэньжань. Вы же, как мать, до вчерашнего дня, пока я не пришел, не проявляли ни малейшего интереса к тому, жива она или нет, — холодно изобличил её Чэнь Чжэн.

Цао Вэньмэй плюхнулась прямо на землю, содержимое сумки рассыпалось вокруг.

— А что мне оставалось делать?! Мне тоже надо жить! Она меня презирает, но если бы я этого не делала, кто бы оплатил её учебу?!

Эти слова звучали бессвязно, как лишенный логики поток жалоб. Чэнь Чжэн тоже присел рядом.

— Цао Вэньмэй, прятаться бесполезно. Я знал, что вы попытаетесь, поэтому и ждал здесь. Даже если я дам вам уйти сегодня, завтра вас всё равно найдут. К чему это всё? Если хотите найти дочь, лучше сотрудничайте с нами.

— Как... как сотрудничать? — прерывисто дыша, спросила она.

— Отвечайте на мои вопросы. Если будете что-то скрывать, это не принесет пользы ни вам, ни Лю Вэньжань.

Машина Чэнь Чжэна стояла через дорогу, внутри ждали оперативники Бэйе. Когда он вел Цао Вэньмэй к автомобилю, на углу улицы появилась сестра Бао. Она, словно зритель на представлении, провожала взглядом сажающуюся в машину соседку.

Чэнь Чжэн включил свет в допросной и специально пригласил коллегу из женского состава группы, чтобы та присутствовала при разговоре. Нервы Цао Вэньмэй были на пределе, яркий свет причинял ей дискомфорт. Только после того как сотрудница перекинулась с ней парой житейских фраз, она немного расслабилась.

— Если бы я вас не остановил, куда бы вы направились? — спросил Чэнь Чжэн.

Цао Вэньмэй долго молчала, прежде чем выдавить:

— Я... я правда хотела искать дочь. Вы... вы её не знаете.

— Вы уже здесь, и всё равно продолжаете лгать? — Чэнь Чжэн пристально посмотрел на неё. — Что я говорил вам там, на Синвэнь?

Многие свидетели ведут себя именно так: их отношение постоянно меняется под влиянием эмоций. В одну секунду они решают помогать, в следующую — решают, что полиции нельзя верить. Чэнь Чжэн видел таких сотнями, его спокойствие было лучшим противодействием их истерии.

— Я... — Цао Вэньмэй сцепила руки. — Я правда хотела её найти. Хотя... главной целью было на время спрятаться.

— Зачем прятаться? Вы мать пропавшей. Вы не помогаете школе, не помогаете полиции, а пытаетесь бежать. Неужели вы совершили что-то такое, о чем полиция не должна знать? Вы причастны к исчезновению Лю Вэньжань?

— Нет-нет-нет! Как я могла ей навредить! — горячо запротестовала она. — Как бы она меня ни ненавидела, она — плоть от плоти моей! Как мать может причинить вред дочери?

— Тогда снова тот же вопрос: почему вы решили бежать? Объясните всё честно, и тогда мы сможем решить, что делать дальше. И еще: вы сказали, она вас ненавидит. Что вы такого сделали, чтобы родная дочь вас возненавидела?

В горле Цао Вэньмэй заклокотал сдавленный звук. Через мгновение по её лицу покатались слезы — казалось, весь стыд, который она не хотела облекать в слова, превратился в безмолвную влагу. Оперативница протянула ей салфетку и подбадривающе похлопала по спине.

Поначалу Цао Вэньмэй просто тихо плакала, закрыв лицо руками, но вскоре тихие всхлипы переросли в надрывный вой. Кун Бин, наблюдавший за этим из мониторной, даже удивился и поспешил узнать у Чэнь Чжэна, что происходит. Тот лишь махнул рукой, давая понять: пусть выплачется.

Через полчаса Цао Вэньмэй наконец успокоилась. Она подняла голову; её глаза были сильно налиты кровью, а на губах играла горькая усмешка.

— Она ненавидит меня за то, что я не могу дать ей такую семью, как у её одноклассников. Я из кожи вон лезу, но всё, на что меня хватает — это жилье в такой дыре, как Синвэнь. Знаете, где она хочет жить? В «Айюэ Мэйчжу» или в «Сиреневом городке». Разве такие, как мы, могут себе это позволить? А она говорит, что её одноклассники там живут.

Это были известные в Чжуцюане элитные жилые комплексы. Чэнь Чжэн предположил, что речь шла о компании Чжоу Си.

— Я знаю, кем она меня считает. Для неё я такая же тварь, как и все остальные — торговка собой, позор семьи. — Она опустила голову и после долгой паузы продолжила: — Да, я и сама знаю, что я позорище. Если бы не она, мне бы не пришлось так жить. Говорят же, что дети — это самая большая трата в жизни. Если бы мне не нужно было её растить, разве стала бы я так с собой поступать? А эти клиенты... старики...

Цао Вэньмэй, видимо, вспомнила какую-то мерзкую сцену; её кожа покрылась мурашками, и она не смогла продолжать.

— Старики? Что вы имеете в виду? — зацепился Чэнь Чжэн.

Она покачала головой и закрыла глаза, отказываясь говорить.

— Среди ваших клиентов были пожилые люди? Более того, вы специализировались на услугах для стариков, так? — надавил Чэнь Чжэн.

Цао Вэньмэй вздрогнула и едва не вскочила со стула. Голос её дрожал:

— Вы... вы знаете?

— Дошли слухи. И помните, вчера я показывал вам фото? Вы сказали, что не знаете его, но

каждое ваше выражение лица, каждое движение выдавало — вы были близки.

Сердцебиение Цао Вэньмэй, казалось, заполняло всю комнату. Было чувство, будто Чэнь Чжэн вынул её сердце и положил — кровоточащее — прямо на стол.

— Этот человек — ключевая фигура. Он мертв. Лю Вэньжань виделась с ним незадолго до его смерти и дарила ему подарки, а теперь она пропала. — Чэнь Чжэн сделал особое ударение на слове «мертв». — У нас есть основания полагать, что его смерть связана с Лю Вэньжань. А их знакомство, скорее всего, произошло через вас.

— Нет! — Цао Вэньмэй яростно замотала головой. — У нас со стариком Инем ничего не было...

— Значит, вы знаете его фамилию.

Цао Вэньмэй бессильно обмякла на стуле. Спустя мгновение она наконец призналась:

— Да, я знала его. Но я понятия не имела, что моя дочь тоже с ним знакома! И уж точно не знаю, почему он умер!

— Как вы познакомились?

— Он... он чуть не стал моим клиентом, — с трудом выдавила она.

У Цао Вэньмэй было всего восемь классов образования. Её муж, Лю Хайтао, исчез, и после этого она пыталась торговать одеждой на оптовом рынке. Это было слишком тяжело: без мужчины в доме в таких местах быстро начинают обижать. В итоге она бросила торговлю и стала перебиваться случайными заработками на улице Синвэнь. Постепенно она поняла, что проще всего зарабатывать в маджонг-залах, составляя компанию игрокам. О делах пусть печется хозяин, а её задача — развлекать гостей.

Она не ходила в заведения, где было много женщин, а играла исключительно с мужчинами средних лет. Денег у них было немного, но они любили пускать пыль в глаза и не упускали случая приударить за ней. В молодости она была очень недурна собой, да и сейчас оставалась привлекательной женщиной в возрасте. К тому же, опыт работы на рынке научил её бойко болтать и льстить, что очень нравилось мужчинам. Посетителей становилось больше, хозяин поднял ей оплату, а мужчины периодически дарили мелкие подарки.

Разумеется, её работа не ограничивалась маджонгом — она брала «заказы» и из парикмахерских, конкурируя с сестрой Бао. В то время её клиентами были в основном небогатые мужчины среднего возраста. Как она сама говорила: «У кого есть деньги, тот на Синвэнь не пойдет».

Каждый год, когда начинались рейды против проституции, бизнес затихал. Но облавы длились недолго — стоило немного переждать, чаще мелькая в маджонг-залах, и жизнь входила в привычную колею.

Всё изменилось, когда Лю Вэньжань поступила в Десятую школу. Это была престижная школа, и хотя девочка прошла сама, её баллов не хватало для стипендии. Расходы росли: форма, учебники, участие во внеклассных мероприятиях. Цао Вэньмэй хотела, чтобы дочь не чувствовала себя ущербной на фоне богатых детей, и, стиснув зубы, увеличила её содержание. Денег от маджонга и парикмахерских перестало хватать. Ей срочно нужна была более прибыльная работа.

Тогда на неё вышел некто брат Чжэн. Он предложил стать её «агентом», но предупредил: клиентами будут глубокие старики, и усилий потребуете гораздо больше, чем раньше. Зато и оплата вырастет вдвое.

Какое-то время она пробовала работать сиделкой, но быстро уволилась — не вынесла вида немощных стариков. Мысль о близости с угасающими телами заставляла её долго колебаться.

Брат Чжэн не торопил её. Он хвалил её внешность, говорил, что она отлично сохранилась и что мало кто из его подопечных может с ней сравниться. Она любила лесть, и в душе начало зреть согласие. Затем Лю Вэньжань снова попросила денег, а когда мать не смогла их дать, девочка, подражая ей, сама пошла в маджонг-зал составлять компанию игрокам.

Цао Вэньмэй решила: то, что Лю Вэньжань родилась её дочерью — не вина девочки. И её вины в этом тоже нет. Они обе просто хотели жить лучше. Её деньги и так не были чистыми — какая разница, спать с сорокалетним или с восьмидесятилетним?

Она связалась с братом Чжэном. Он быстро нашел первый заказ. О подробностях она предпочла не распространяться, упомянув лишь, что после этого напилась до бесчувствия. Но когда она получила деньги, то почувствовала: это того стоило.

Брат Чжэн вел себя почти как благотворитель — он практически не брал комиссию. Сначала она думала, что это временная акция для новичка, но даже в последнее время он забирал лишь символическую сумму.

Инь Гаоцян был очередным клиентом, которого привел брат Чжэн. Она, как обычно, подготовилась психологически, накрутилась, нарядилась и отправилась по адресу. Но тот визит оказался совсем не таким, как все предыдущие.

Инь Гаоцян встретил её в опрятной одежде, пригласил в гостиную, заварил чай и угостил фруктами. Она подумала, что это какая-то прелюдия, но старик сказал, что тоскует по покойной жене и не собирается больше ни с кем делить ложе. Она удивилась: «Зачем тогда звал?». Инь Гаоцян помолчал и ответил, что друзья настояли, чтобы он «развеялся». Он много раз отказывался, но предложения продолжались, так что он решил один раз согласиться, чтобы потом иметь право сказать, что пробовал, и ему не понравилось.

В тот день она проговорила с ним три часа. Узнала, что у него своя лапшичная возле Второй школы и что он много лет ждет пропавшего сына. Она была тронута и про себя решила, что будет приходить к нему поесть лапши, чтобы поддержать его дело.

Благодаря этой встрече в ней проснулись теплые чувства к собственной дочери. Вернувшись домой, она приготовила любимую курицу Лю Вэньжань с острым перцем. Девочка заметила перемену в матери и спросила, что случилось.

Кем работала мать — не было секретом в их доме, но вслух это никогда не обсуждалось. Цао Вэньмэй просто ответила, что встретила сегодня очень хорошего дедушку.

На лице Лю Вэньжань тут же промелькнуло выражение глубокого отвращения.

После этого Цао Вэньмэй лишь раз зашла в лапшичную к Иню — она хотела как лучше, хотела принести ему выручку, но старик при виде её очень смутился. Она поняла, что её присутствие там неуместно. Быстро доев лапшу, она ушла и больше никогда не искала с ним встреч.

— Я не знаю, почему моя дочь пошла к старику Иню, — Цао Вэньмэй задрожала, в её голове

родился страшный ответ. — Может, Вэньжань подумала, что у нас с ним правда что-то было, и поэтому убила его? Но... но ведь я со столькими другими...

Чэнь Чжэн продолжил:

— Потому что старик Инь был единственным, к кому вы проявили искреннюю симпатию, и Лю Вэньжань это остро почувствовала.

Цао Вэньмэй в растерянности заломила руки, бормоча:

— И что же теперь делать?

— Будем разбираться по порядку, — сказал Чэнь Чжэн. — Лю Вэньжань когда-нибудь следила за вами?

— Не знаю... Вряд ли, зачем ей это?

— Ей было легко получить доступ к вашему телефону?

До Цао Вэньмэй наконец дошло:

— Вы про адрес дома старика Иня? Я его удалила, но в тот день...

Она полностью доверяла брату Чжэну, поэтому никогда не брала заказы на стороне. Каждый раз, возвращаясь с работы, она удаляла адрес клиента. Однако иногда, когда она слишком уставала, она делала это не сразу — адрес мог провисеть в телефоне еще пару дней.

В тот вечер, после ужина с острой курицей, она долго мыла посуду на кухне, а Лю Вэньжань оставалась в гостинной одна.

— Значит, Вэньжань тогда залезла в мой телефон? И запомнила адрес?

Чэнь Чжэн задал следующий вопрос:

— Кто такой этот брат Чжэн, о котором вы говорили?

Цао Вэньмэй опешила и долго не могла вымолвить ни слова.

— В такой критический момент вы всё еще пытаетесь его выгораживать? — нажал Чэнь Чжэн.

— Нет! — встревоженно воскликнула она. — Дело не в том, что я хочу скрыть правду. Просто я только сейчас поняла, что на самом деле... я и сама не знаю, кто он такой.

Оперативница подняла голову и нахмурилась, глядя на женщину.

Цао Вэньмэй принялась объяснять:

— Он представился как Чжэн Тянь, сказал, что он агент, работающий с пожилыми людьми. Говорил, что за ним стоит какая-то компания, но я понятия не имею, какая именно. У меня есть только его номер, но со вчерашнего дня я звонила ему раз пять — телефон выключен!

— Ваши расчеты были наличными?

— Да. Брат Чжэн говорил, что только наличные — это полная безопасность.

Чэнь Чжэн взял телефон Цао Вэньмэй. Там действительно не было никаких переводов ни от брата Чжэна, ни от клиентов, а адреса стариков были стерты.

Он убрал телефон в пакет для вещдоков и снова обратился к женщине:

— Постарайтесь вспомнить всех стариков, с которыми контактировали, и места, где вы бывали.

Цао Вэньмэй была в крайне нестабильном состоянии; она смогла назвать лишь несколько жилых комплексов, но не вспомнила ни одного точного адреса.

— Когда пропал отец Лю Вэньжань? — спросил Чэнь Чжэн. Он намеренно не сказал «ваш муж», чтобы не провоцировать её лишний раз.

Показания Цао Вэньмэй в целом совпали с тем, что знала Цзян Лоцин. Вскоре после рождения дочери Лю Хайтао окончательно пустился во все тяжкие, и брак превратился в формальность. Позже он сбежал из страны, скрываясь от долгов — во всяком случае, так предполагала Цао Вэньмэй. Он грозился уехать, а сделал это или нет — знал только он сам. За все эти годы он ни разу не объявлялся, и коллекторы их не беспокоили. Она считала его мертвым, и Лю Вэньжань тоже росла так, будто отца у неё нет.

На данный момент казалось, что Лю Хайтао к делу отношения не имеет.

Передав телефон Цао Вэньмэй в отдел технической экспертизы, Чэнь Чжэн вернулся в кабинет, где его уже ждал Кун Бин.

— Неужели за всем этим стоит преступная группировка, прикрывающаяся услугами для пожилых? — спросил Кун Бин.

Чэнь Чжэн замер перед доской с уликами, не успев поднести маркер.

— Прикрывающаяся?

— Ну конечно! Вы же слышали — этот брат Чжэн почти не брал комиссию. С чего бы им рисковать головой в обход закона о проституции ради чужого заработка? Цао Вэньмэй при деньгах, клиенты довольны, а посреднику-то что с этого? Не ради же «почета и уважения» они это делают.

Чэнь Чжэн усмехнулся:

— Это точно. Скорее всего, они планируют нечто куда более злое.

Он не стал озвучивать свою догадку о том, что «услуги для стариков» могут быть не просто ширмой — здесь мог крыться мотив, который следствие пока не уловило.

Теперь причина появления ДНК Лю Вэньжань в доме Инь Гаоцяна стала ясна. Отношения девочки с матерью были точь-в-точь как их имена — они делили один и тот же иероглиф. Как бы Лю Вэньжань ни презирала мать, она не могла не следить за её жизнью. А Цао Вэньмэй, зная об этом презрении, всё равно шла на грязную работу ради дочери.

Лю Вэньжань ненавидела саму суть жизни матери, но еще больше — её так называемых клиентов. Когда она узнала, что мать обслуживает стариков, эта ненависть достигла пика. Что это за старики такие, которые на старости лет занимаются подобной грязью?

Она пыталась подавить гнев, убеждая себя: «Для мамы это просто способ заработать».

Всё изменилось в тот вечер, когда Цао Вэньмэй готовила острую курицу. Впервые после работы мать выглядела по-настоящему счастливой и доброй. Что этот старик сделал с ней?

Пока мать мыла посуду, девочка залезла в телефон и выписала адрес. Гнев уже было не скрыть, но тогда она еще не знала, что предпримет.

Всё решилось 28 октября, когда она получила тот самый подарок, от одного взгляда на который становилось не по себе.

Весь день она не открывала его — хотела сделать это при Чжоу Си и остальных. У них было всё, чего не было у неё, зато у неё был таинственный поклонник. Коробка была такой красивой — переливчато-фиолетовой. Она была уверена, что внутри что-то роскошное. Но в момент, когда крышка открылась, она превратилась в посмешище. Это был не подарок, а проклятие. Под вскрики подруг она в смятении запихала игрушку обратно, решив выбросить её сразу, как выйдет на улицу.

Но, возможно, пока они пили чай, в её голове мелькнула мысль: она отвезет этот «подарок» старику с улицы Хэлэ. Она заставит его содрогнуться от отвращения.

Но выбросить коробку на глазах у всех было необходимо — она должна была показать Чжоу Си, что такие подношения ей ни к чему. Чжоу Си даже вернулась, чтобы утешить её и вместе поругать «придурка-отправителя».

Спустя несколько дней она одна приехала к Второй школе, прошла мимо лапшичной и постучала в дверь старика. Дверь открылась, и Инь Гаоцянь мягко спросил:

— Дитя, ты к кому?

Она почувствовала тошноту: «Притворяется». Как может быть добрым старик, который покупает женщин? Как он посмотрит на молоденькую девочку, пришедшую к нему домой?

Она приняла манеру поведения матери и сказала, что принесла подарок от неё. Инь Гаоцянь, узнав, что перед ним дочь Цао Вэньмэй, очень удивился и смутился. Она напросилась войти, и он разрешил.

Она достала куклу, ожидая увидеть на его лице ужас или брезгливость. Но, к её изумлению, старик взял игрушку, назвал её милой и поблагодарил.

Она думала, что он играет роль, но на лице Инь Гаоцяня не было ни тени притворства. Она... снова стала посмешищем.

Она выскочила за дверь, не желая оставаться там ни секунды.

Инь Гаоцянь до самой смерти, вероятно, так и не понял цели визита девочки и не увидел в кукле ничего зловещего. Эти молодежные штучки напомнили ему о сыне. Он отнес куклу в лапшичную — решил подарить какому-нибудь студенту, если кому приглянется.

Но прежде чем зашел кто-то из учеников, игрушку увидел Хуан Фэй. Как и старик, он не нашел в ней ничего странного — просто любопытная вещица, на которую у него не было денег. А если даром — почему бы не взять?

Хуан Фэй попросил, и Инь Гаоцянь отдал ему её.

— Скорее всего, такова правда, скрывающаяся за игрушкой и следами Лю Вэньжань, — подытожил Чэнь Чжэн.

Кун Бин, выслушав этот анализ, нахмурился:

— То есть визит Лю Вэньжань к старику — это просто эпизод. Дело Инь Гаоцяня можно расследовать по нашей первоначальной версии, оно не связано с исчезновением девочки напрямую. А вот само дело Лю Вэньжань...

— Я думаю, оно тесно связано с делом Чжао Юй, — ответил Чэнь Чжэн. — И еще этот брат Чжэн. Имя «Чжэн Тянь» наверняка фальшивое. Если услуги для стариков — это ширма, то какое преступление за ней кроется? И еще, капитан Кун. Исчезновение Лю Хайтао вроде бы не связано с текущими событиями, но это всё же дело о пропаже человека. Цао Вэньмэй тогда не заявляла в полицию, у нас нет его ДНК. Но теперь у нас есть ДНК дочери. Если Лю Хайтао где-то оставлял биологические следы, мы сможем найти его по родству.

Кун Бин всё записал и уже собрался идти проверять данные Чжао Юй, но в дверях обернулся:

— Кстати, а где Мин Хань?

Чэнь Чжэн, собиравшийся попить, поставил стакан:

— В Десятой школе, разбирается с куклами.

Кун Бин был опытным опером и капитаном. Нюх у него был острый — как на дела, так и на людей. Ему вдруг показалось, что Чэнь Чжэн ведет себя как-то не так: тон его голоса при упоминании напарника едва заметно изменился. Он вернулся:

— Учитель Чэнь, что с вами?

Чэнь Чжэн нахмурился:

— В смысле «что со мной»?

Кун Бин и сам не мог объяснить — интуиция штука иррациональная:

— Просто... как-то странно вы о Мин Хане заговорили. Вы что, поругались?

— Нет.

— Точно нет?

— Капитан Кун, вы решили устроить мне допрос? У вас, я смотрю, времени полно. Давайте я вам еще одну версию изложу...

Кун Бин терпеть не мог таких подначек и тут же фыркнул:

— Больно надо вас допрашивать! Не хотите — не говорите!

Выпроводив Кун Бина, Чэнь Чжэн взглянул на часы. Цао Вэньмэй наверняка уже пришла в себя, но его мысли постоянно перескакивали на другое. Виноват в этом был Мин Хань и Кун Бин, который его помянул.

Вчера вечером они разошлись у самого входа в ЖК, не обсудив планы на утро. Чэнь Чжэну всегда было трудно уснуть во время работы над делом, а сплетение из исчезновений, взрывов и кукол не давало мозгу остановиться.

Сон сморил его только к трем часам ночи, но вскоре он снова проснулся. Цао Вэньмэй нельзя было оставлять без присмотра — она вполне могла улизнуть.

Еще до рассвета он был готов и собирался вызвать дежурных оперов, чтобы ехать на Синвэнь. Спускаясь к машине, он вспомнил о Мин Хане: стоит ли ему сказать, что сегодня он его не подбросит? Решил, что не обязан отчитываться — он не личный водитель. Но не успел он выехать из ЖК, как дорогу ему преградили.

Мин Хань с улыбкой спросил:

— Брат, ты чего уезжаешь и не здороваешься?

Было меньше шести утра, на улице — хоть глаз выколи. Этот тип внезапно вынырнул из тени фонаря, словно заправский злоумышленник.

Чэнь Чжэн на миг потерял дар речи.

Мин Хань не упустил его замешательства:

— Испугался? Да ладно тебе.

— Что ты здесь делаешь в такую рань? — придя в себя, спросил Чэнь Чжэн.

— Какое совпадение, я хотел спросить о том же!

— На Синвэнь. Есть риск, что Цао Вэньмэй сбежит.

Мин Хань картинно обиделся:

— На задание — и без меня?

Чэнь Чжэн уже хотел сказать «хочешь — поехали», но парень продолжил:

— Кого же мне тогда сегодня просить подвезти?

«Только о машине и думает», — бесстрастно подумал Чэнь Чжэн и пошел к авто. Мин Хань последовал за ним. Чэнь Чжэн ждал, что тот сядет, но дверь пассажирского сиденья так и не открылась.

— Ты садишься или нет? — не выдержал он.

Мин Хань достал из-за спины пакет и забросил его на сиденье:

— Кто сказал, что я еду с тобой? Мне сегодня в Десятую школу, нам не по пути.

В пакете оказался сэндвич. Хлеб был еще теплым — явно только из тостера.

— Тогда зачем...

— Ну как же, «согреть» тебя решил, — Мин Хань облокотился на дверь машины. — Догадался,

что ты ни свет ни заря поедешь караулить Цао Вэньмэй, и наверняка без завтрака. Всё, езжай, а я пойду еще досыпать. — Он зевнул и помахал рукой. — Увидимся позже.

Теплый завтрак лежал на сиденье. Чэнь Чжэн отъехал на приличное расстояние, прежде чем почувствовал в груди странное, незнакомое ощущение — мягкое, как хлопок, лишаящее привычной уверенности.

Он припарковался у обочины, медленно съел сэндвич и только после этого погрузился в работу. А слова Кун Бина сейчас снова всколыхнули то утреннее чувство.

Он спокойно подумал об этом и решил: это просто непривычно. Но вовсе не неприятно.

<http://bllate.org/book/17170/1618900>